

РЕЦЕНЗИИ

В. Е. Возгрин

Возгрин Валерий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: valerijvozgrin@mail.ru

ИСТОРИЯ ПРИБАЛТИКИ В НОВЕЙШЕМ ОСВЕЩЕНИИ¹

Обычно Эстонию, Латвию и Литву упоминают комплексно, подразумевая, что у этих стран много общего как в культуре, так и в истории. При этом подробно освещена Реформация, однако немецкие авторы сумели не отметить, что в Прибалтике она была проведена с большим насилием и жестокостью, чем в Дании или Швеции. В книге отмечены фундаментальные различия в истории духовного развития прибалтийских республик. Так, они отметили, что немцы сделали гораздо больший вклад в культуру Эстонии, чем Латвии. Однако в этом смысле эстонцы более благодарны шведам, чем немцам. Не совсем верно представлена и великая редукция Карла XI. Это была насильственная акция, подорвавшая экономику многих помещичьих хозяйств. Ничего не сказано в книге о том, что 18 августа 1916 г., Николай I утвердил Положение Совета министров о запрете немецкого языка во всех учебных заведениях России. Этим Положением, в частности, был поставлен в катастрофическое положение старейший университет империи, Тартусский (Дерптский). Что же касается революционных событий, то и в этой теме также чувствуется слабое знакомство авторов со скандинавскими материалами. Так, где речь идёт об Освободительной войне, достаточно много сообщается о пришедших

¹Рецензия на монографию: *Angermann N., Brüggemann K. Geschichte der baltischen Länder. Stuttgart: Reclam, 2018. – 360 S.*

на помощь эстонцам финских добровольцев. Но тщетны были бы попытки найти схожие материалы о шведских или датских добровольческих отрядах, хотя последние собственными силами вытеснили красных из Южной Эстонии и части Северной Латвии. В книге, посвящённой истории Прибалтики авторы осветили несхожие исторические судьбы эстонцев, латышей и литовцев с глубокой древности до наших дней. При этом о выборе, который сделали в конце XX в. эти бывшие советские республики, говорит название завершающей книгу главы: «Назад в Европу».

Ключевые слова: Ливония, Эстония, Латвия, Литва, Балтика, морская торговля, вопросы обороны, Реформация, Ливонская война, Северная война, Вторая мировая война, распад СССР.

V. Vozgrin

Vozgrin Valerij Evgenjevitch, Doctor of History, Professor of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of history, Saint-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russian Federation

E-mail: valerijvozhgrin@mail.ru; v.vozgrin@spbu.ru

HISTORY OF THE BALTIC LANDS IN A MODERN LIGHT

The recension gives an evaluation of the N. Angermann's and K. Brüggemann's book "History of the Baltic Lands". Estonia, Latvia and Lithuania are usually mentioned comprehensively, implying that these countries have a lot in common both in culture and in history. However, the German authors were able to find fundamental differences between them. For example they noted that the Germans made a much greater contribution to the culture of Estonia than Latvia. However, in this sense, Estonians are more grateful to the Swedes than to the Germans. The great reduction of Charles XI is not quite correctly represented. It was a violent action, which undermined the economy of many landowner farms. Nothing is said in the book that on August 18, 1916, when Nicholas I approved the Regulation of the Council of Ministers on the prohibition of the German language in

all educational institutions of Russia. This Provision, in particular, put in a catastrophic position the oldest university of the empire in Tartu. As for the revolutionary events, this topic also shows the authors' weak knowledge of the Scandinavian materials. In the book dedicated to the history of the Baltic States, they highlighted their dissimilar historical fates from deep antiquity to the present day. In this case, about the choice that was made at the end of the twentieth century by these former Soviet republics tells the title of the final chapter: "Back to Europe".

Keywords: Livonia, Estonia, Lithuania, Latvia, Maritime Trade, Military Companies, the Reformation, the Livonian War, the Great Northern War, the Second World War, USSR's Disintegration.

Авторы рецензируемой монографии являются историками Прибалтики, хоть и подход у них к этому объёмному предмету несколько различный: Н. Ангерманн со студенческих лет специализировался на германистике, а К. Брюггеманн – на славистике. В этой команде, пожалуй, не хватало ещё одного специалиста – скандинависта. Впрочем, оба автора владеют скандинавскими языками, и этот недостаток можно было бы считать незначительным, если бы ими было проявлено больше внимания к северной историографии – и к этой проблеме мы ещё вернёмся. Заранее, чтобы впоследствии не уточнять, отметим, что текст книги до с. 181 написан Н. Ангерманном, остальное – К. Брюггеманном

В рецензиях негласно принят такой порядок – вначале похвалить авторов, а уж затем покритиковать. Позволю себе здесь поступить наоборот – к этому зовут явные недочёты, без критики которых не станут явными действительно большие достижения немецких соавторов. Странным образом в их библиографии (то есть и в сносках) отсутствуют труды датских историков К. Расмуссена и Х. Баггера. Хотя первый из них создал фундаментальный труд по одной из судьбоносных войн в балтийском регионе, Ливонской, (между прочим, на немецком языке), а второй – по ещё более значительной для Прибалтики Великой Северной войне. К сожалению, этого не случилось, хотя обе темы являются центральными в рецензируемой монографии, и это привело её авторов к печальным научным просчётам. Назовём некоторые из них. Н. Ангерманн и К.

Брюггеманн (а также анонимные составители аннотаций, помещённых на суперобложке «Истории прибалтийских стран»), неоднократно подчёркивают, что своим культурным и экономическим подъёмом в Новое и новейшее время эти страны были обязаны остзейцам.

Но на этот счёт существует и иная точка зрения. Не только датские или шведские, но и эстонские, и латвийские учёные отдают здесь пальму первенства датчанам, а затем, в XVI-XVII вв., – шведам. И, говоря о прибалтийской культуре этой эпохи, о новых прекрасных городских кварталах, храмах и первом на востоке Балтийского региона Тартуском университете, местные историки называют время шведов «золотым»² – чего об остзейцах в тех краях не услышишь.

Естественно, допустимы два мнения на счёт одного и того же явления или процесса. Но вот такую общеизвестную точку зрения эстонцев, латышей, датчан и шведов (относительно остзейцев и их роли в строительстве национальной культуры эстонцев, латышей и литовцев) немецкие авторы с блеском игнорируют, никак этого не объясняя.

История Реформации изложена довольно подробно, но несколько сглажено. Так, кроме иконоборческих акций (с. 88-89) ничего не сказано о других видах насилия, которое приняло в Латвии и Эстонии гораздо более жёсткие формы, чем на шведских и датских берегах. Если в Скандинавии монастыри и после Реформации какое-то время сохраняли свой католический уклад, то в Прибалтике мужские и женские обители подверглись немедленной и немилосердной ликвидации. В этом же разделе вскользь упоминается, что Рига и Таллинн занимали II и III места среди городов шведской империи. На самом деле в нач. XVI в. Рига была «и крупнее, и богаче Стокгольма» как признаёт тот же Н. Ангерманн ниже (с. 126).

«Конфедерация церковных земельных магнатов (*geistliche Landesherrschaften*)» (с. 97) – не совсем точная характеристика Ливонии. Её землями владели не только епископы, но и вполне уже светские рыцари Ливонского ордена, а также представители городских властей Риги, Таллинна и Тарту.

Поднимая важный вопрос о целях Ивана IV в начатой им Ливонской войне (с. 101-102), Н. Ангерманн лишь перечисляет несколько традиционных ответов на него, не уточняя собственной точки зрения – как и ранее

²Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии. Таллинн: «Коолибри», 2000. – 263 с. С. 74. Далее: Адамсон, Валдмаа, 2000.

(с. 46) о запланированном Иваном III. назначении Ивангорода (речная крепость или морской порт).

Совершенно неудовлетворительна справка автора относительно Великой редукации (*Güterreduktion*): **якобы корона «уступила прибалтийские земли в качестве жалованья или вместо денежного довольствия шведским военным и чиновникам, среди которых многие принадлежали к аристократии»** (с. 124-125). На самом деле эта недвижимость расхищалась членами регентского совета при несовершеннолетнем Карле XI. И когда он возмужал, то лишь вернул в казну ей принадлежавшее – правда, прихватив в Прибалтике кое-что и сверх того.

Автор замечает, что на исходе XVII в. немец Паткуль ковал (*schmiedete*) антишведскую коалицию из Саксонии, России и Дании (с. 123), ни словом не упоминая действительного автора Северного союза – Петра I, у которого Паткуль был на побегушках.

На с. 125 говорится, что «картинка золотого шведского времени» - плод шведской «националистической историографии», а наукой «установлено, что подати крестьян в XVII в. постоянно увеличивались», причём «об освобождении крестьян и речи не могло быть» (там же). Это никак не обоснованное замечание полярно противоположно исторической истине. Карл XI в своём противостоянии дворянству (в том числе остзейскому) опирался на самые многочисленные сословия, в том числе и на крестьян. А крепостных Прибалтики он планировал освободить и даже отменил их личную зависимость. Эта реформа была проведена на казённых землях и начала осуществляться на помещичьих – против чего бурно протестовали остзейцы³.

Говоря о русификации западных губерний во вт. пол. XIX в. (с.183-184), К. Брюггеманн ни словом не упоминает о сопротивлении, которое этой многолетней политике оказывали остзейцы и которое помимо их устремлений сохраняло языковую и иную культуру латвийского и эстонского народов. Справедливо замечание о культурном влиянии возрождения в 1802 г. Дерптского университета для всей Прибалтики (с. 184). Но это – непомерное сужение значимости этого события для всех немцев империи, которых насчитывались сотни тысяч – от колонистов Крыма до новопоселенцев Поволжья, Петербурга, Казахстана и Сибири. Ведь в Дерпте получали образование сотни протестантских пасторов и будущих преподавателей-немцев самых разных уровней, которые, защитив

³История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Том 3. М.: Наука, 1986. С. 202; *Адамсон, Валдмаа*, 2000. С. 84.

магистерские дипломы, разъезжались по городам и многочисленным колониям российских немцев⁴.

Довольно спорно утверждение автора о склонности остзейских помещиков к освобождению крестьян в начале XIX в. (с.189 – 190). Некоторые акции в этом направлении, вызванные частыми крестьянскими мятежами, предпринимались, но проводились они сверху, правительственными указами⁵. Имевший в 1830-х гг. довольно массовый переход крестьян от протестантства в православие автор объясняют неким «отчуждением крестьян от пасторов и помещиков» (с.192). На самом же деле социокультурная связь между сельскими священниками и бедными прихожанами по ряду причин не прерывалась на протяжении веков. А упомянутая смена конфессий вызывалась распускаемыми царской администрацией слухами насчёт того, что перешедшие в православие будут наделяться землёй. В результате только в Эстонии сменили веру 60 000 чел., а на Сааремаа их доля доходила до 70-80 % крестьян⁶.

На с. 204-205 автор утверждает, что праздники песни у прибалтов – традиция, перенятая у остзейцев, конкретно по модели их *Baltische Sängergefeste*. Хронологически отчасти это верно, немецкие хоры возникли первыми. Но массовость их была несравнима – если немецкие праздники песни собирали по несколько сотен участников, то эстонские и латышские вскоре стали исчисляться десятками и сотнями тысяч. Но главное различие было не количественным, а качественным – цели были разные. Немцы решали задачу национальной идентификации и межсословной интеграции, а для местного населения хоры означали как возрождение подавленной культуры, так и протест против эксплуатации теми же остзейскими и русскими помещиками⁷. Кстати, антинемецкие выступления эстонцев и латышей, известные с первой пол. XIX («Война в Пюхаярве»⁸) впервые зафиксированы в книге под 1905 г. (с. 224).

⁴Возгрин В. Е. Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи. СПб.: РХГА, 2015. – 416 с. С. 50

⁵Какх Ю. Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX в. Таллин, 1962. С. 333.

⁶Адамсон, Валдмаа, 2000. С. 122

⁷Hirschhausen Ulrika von. Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860-1914. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2006. - 433 S. S. 349

⁸Воротин А. Принципы прибалтийской жизни. Ревель, 1891. С. 31—37.

Ничего не сказано в книге о том, что 18 августа 1916 г., Николай I утвердил Положение Совета министров о запрете немецкого языка во всех учебных заведениях России. Этим Положением, в частности, был поставлен в катастрофическое положение старейший университет империи, Тартуский (Дерптский). Его профессорам-немцам пришлось в массе искать работу на исторической родине, а замены им длительное время не находилось. Тогда же в Эстонии были полностью закрыты многочисленные немецкие школы, где обучались дети остзейцев⁹, о чём также стоило бы упомянуть в главах о кампании русификации Прибалтики.

Что же касается революционных событий, то и в этой теме также чувствуется слабое знакомство авторов со скандинавскими материалами. Так, на с. 244, где речь идёт об Освободительной войне, достаточно много сообщается о пришедших на помощь эстонцам финских добровольцах. Но тщетны были бы попытки найти схожие материалы о шведских или датских добровольческих отрядах, хотя последние собственными силами вытеснили красных из Южной Эстонии и части Северной Латвии¹⁰.

Отдельная тема – массовые депортации осуждённых из всех трёх стран, начавшиеся с приходом в Прибалтику советской власти. Автор пишет о них вполне корректно и почти исчерпывающе. «Почти» - оттого, что он упоминает о трёх депортациях, якобы «прекратившихся со смертью Сталина» (с. 240). Но самом деле в Вильнюсе и Таллине людей арестовывали и высылали за пределы родины и в январе 1991 г. И этого недочёта монографии можно было избежать, ознакомившись со скандинавской литературой вопроса¹¹.

Но обратимся к исключительно положительным чертам книги, начав с раннего Нового времени. Н. Ангерманну принадлежит компактная и ёмкая характеристика положения прибалтийских рыцарей. Оказывается, они уже в ту пору обладали привилегиями и властью, которые и не снились богатейшим земельным магнатам и владельцам торговых компаний (с.168).

Интересны сведения о прибалтийских пиетистах при Анне Иоанновне (с. 173-174). Императрица, вообще-то не жаловавшая этих фанатиков воз-

⁹Адамсон, Валдмаа, 2000. С. 151.

¹⁰*Jensen N.* For Dannebrog's Ære. Danske Frivillige i Estland og Letlands Frihedskamp 1919. Odense: Universitetsforlaget, 1998; *Carlgren W.* Sverige och Baltikum från mellankrigstid till efterkrigsår. En översikt. Stockholm: Publica, 1993.

¹¹*Teesalu Silvi.* Deporteret til Sibirien. Oversat af Peter Kyhn. København: Rosinante, 2014

держания и в пику им выписывавшая в Петербург итальянские оркестры и оперных певцов (чего не допускала вся Северная Европа и Германия)¹², не имела ничего против душевной атмосферы пиетизма в своих остзейских провинциях. 176-180 – просвещение подробно – и народное тоже. И за освобождение крестьян Меркель

Интересно замечание автора о том, что лицо региона, его высокую культуру определяли отнюдь не аборигены, а иноязычный и крайне немногочисленный дворянский социум. В Литве это были поляки, в Латвии и Эстонии – сначала шведы, затем немцы (с.181). Общей у них была доминирующая черта – лояльность к покровительствовавшему их правящему дому. И объединяла их вполне эклектичная идеология, к которой вполне можно было применить определение Пола Бушковица: космополитический монархизм, в котором не было ничего от преданности новому отечеству и его народу.

В обратной же перспективе, во взгляде на дворян западных губерний из столицы они представляли в совершенно несхожем освещении протестантские Эстония и Латвия – и католическая, полупольская Литва. Отсюда и разница в реформах первой половины – середины XIX в. (с.182). А уж после польско-литовского мятежа 1830-1831 гг. эти подданные рассматривались потенциальная угроза империи. Ситуация крайне напряжённая, которая могла лишь ухудшиться в результате польского восстания 1863-1864 гг., превратившись в тлеющий конфликт (с.183).

Крайне любопытно оригинальное заключение, которым К. Бругеманн объясняет возникновение эстонского и латвийского эпосов (полу)искусственного происхождения. В отличие от Литвы, у этих народов никогда не было ни государственности, ни великих героев. Отчего был неизбежен кризис или даже невозможность самоидентификации. Отсюда осознание национальной интеллигенцией необходимости создания отечественного эпоса, который мог бы сыграть роль стержня или опоры, вокруг которого могло бы виться и развиваться этническое самосознание, а также смежные с литературой области этнической культуры. Но и здесь К. Бругеманн остаётся верным себе – оказывается, даже эта простая идея принадлежала не коренным жителям Прибалтики, а остзейцам или, уже при Александре II, русским культуртрегерам (с.201-202). Вообще остзейцы у него и Н. Ангерманна – везде и во всём. Единственное исключение:

¹²*Хавен П. фон.* Путешествие в Россию / пер. с датского и комментарий В.Е. Возгриня. СПб.: Всемирное Слово, 2007. С. 32

в революционном движении 1905 г. местные жители как-то обошлись без немцев (с. 223-224)

В книге отсутствуют ссылки на труды коллег и предшественников, как и упоминания о литературе вопроса – что вполне понятно, учитывая её научно-популярную направленность. Лишь в одном месте сделано исключение для почти документальной передачи смысла общественных дебатов 1860-х гг. относительно места Прибалтики в империи (и остзейцев – в массе россиян). Дебаты эти продемонстрированы через призму дискуссии между двумя историками – дерптским профессором Карлом Ширреном и московским радикалом-славянофилом Юрием Самариним. Изложение краткое, но впервые вполне исчерпывающе доносящее смысл этой дуэли двух националистов (с.209-211).

То есть, её роли подготовительного этапа перед появлением вполне уже открытых нападок на остзейцев со стороны российских политиков типа сенатора Н. Манасейна. А тот, между прочим, искренне полагал, что в отсутствие всемерного давления на прибалтийских немцев, они способны «германизировать» местное население – в том числе и русское. И его идеи находили отклик у верховной власти. Именно в эти годы был заложен теоретический фундамент российской антинемецкой кампании, постепенно набиравшей силу и достигшей апогея накануне мировой войны и в её первые месяцы (с. 229-231).

Весьма остроумно и метко выразился автор в пассаже о статуях Петра, возведённых в юбилейном 1910 г. в Риге и Таллине. Что удивительно, этот акт единодушно приветствовался всем пёстрым населением обеих губерний. Эстонцы и латыши видели в императоре просветителя европейского типа, остзейцы – крёстного отца их автономии, а местные русские – удачливого завоевателя (с. 227).

Собственную трактовку даёт автор и провозглашению в 1918 г. независимости всех трёх провинций и последовавших затем событий. Накануне этого судьбоносного акта в среде эстонских и латышских масс, не имевших державного зеркала в героической средневековой истории, национальное самосознание было явлением редким, а политическая неуверенность в самих себе – всепоглощающей. И провозглашение национальных государств явило собой не продукт творчества масс, а образец элитарного проекта. Но ни Риге, ни Таллинну, как и Вильнюсу ничего иного просто не оставалось. И началась борьба за независимость. То есть Освободительная война, более или менее слившаяся со всероссийской Гражданской (с. 235-236).

Сменивший её мирный межвоенный период прошёл, при всех внутривосточных сменах режимов, под основным лозунгом смены элит – русской, немецкой, польской – на «собственную», коренную. Но, напоминает читателю автор, экономика во всех трёх странах всегда была преобладающе сельскохозяйственной, причём средствами производства владела именно иноязычная элита. Поэтому достичь упомянутой цели без радикальной аграрной реформы оказалось невозможно. А из предпосылок национального доминирования основной было вовлечение в него широких масс народа. Указанная цель являлась столь насущной и неотложной, что аграрные реформы были проведены во всех трёх странах ещё до внесения соответствующих изменений в конституции – в Эстонии, например, в 1919 г., то есть ещё до окончания Освободительной войны (с. 264).

С. 239 – Одна из сложнейших тем книги – проблема сопротивления / несопротивления советскому вторжению в Прибалтику накануне Второй мировой войны. Напомним, что в 1939 г. в Эстонию и Латвию вошло по 25 000, а в Литву 20 000 человек личного состава Красной армии. И тут, прервав изложение событий, автор сравнивает позицию прибалтийских стран с политикой Финляндии, оказавшейся в схожей ситуации: «В длившейся до марта 1940 г. Зимней войне она хоть и потеряла крупные районы Карелии и Выборг, но осталась независимой и сохранила свою демократию. В балтийских же странах отсутствовала общая воля к сопротивлению, и даже эстонско-латвийский договор о совместной обороне остался на бумаге... Таллинн бездейственно наблюдал как с эстонских аэродромов поднимаются советские бомбардировщики курсом на Финляндию. Делалось всё, чтобы не спровоцировать Москву...» (с. 239).

Но последовать героическому примеру финнов эстонцы и латыши в 1940 г. уже не смогли бы при всём желании. Вблизи границ стояло 400 000 красноармейцев, а подготовленные поблизости лагеря для 60 000 военнопленных соответствовали совокупной численности армий всех трёх стран. Видимо Москва всё же рассчитывала на их вооружённое сопротивление, но его не случилось. Между прочим, ещё и потому, что и в Эстонии, и в Латвии находились люди, которые считали, что от замены ненавистных остзейцев русскими хуже уж точно не станет. Видимо, они не знали, сколько десятков тысяч эстонцев и латышей (из т.н. прибалтийской диаспоры) было расстреляно чекистами в ходе этнических чисток 1938 г. (с. 279).

После войны начался длительный процесс советизации. Но шёл он, в целом, без срывов, что, как считает автор, объяснялось тем, что действующей демократии не было и до 1940 г. К завершению межвоенного периода у населения выработалась «привычка» к однопартийной системе и силовой функции государства. А кто чувствовал себя скованным балтийским авторитарным режимом, мог при новом, советском порядке даже увидеть свой социальный или политический шанс.

Между тем, сопротивления новому господству «чужаков» у большинства населения не наблюдалось (о «зелёных братьях» здесь речь не идёт). Перемены встречали безразличное отношение. Или даже уважительное – как к новым культуртрегерам. Люди жили по большей части ради интересов семьи и друзей. Это не говоря уже об оппортунистах, доказывавших свою лояльность вступлением в партию (с. 283). Впрочем, и до, и после войны доля местных уроженцев в республиканских компартиях оставалась крайне невысокой. Для подтверждения этого тезиса автор приводит следующие данные по 1945 г. – в Литве из 3536 членов партии лишь 1127 являлись этническими литовцами, примерно та же ситуация в Латвии и Эстонии. Такое соотношение не изменилось и к нач. 1950-х гг. – при десятикратном абсолютном росте членства в Латвии лишь 1/3 принадлежали к титульной нации, большинство составляли русские, евреи и пр. (с. 294).

Вступая в ряды ВКП(б), люди, как им казалось, гарантировали себе карьеру и, по крайней мере, личную безопасность. Но такие надежды сменились страхом и ужасом перед лицом массовых депортаций, первую из которых новая власть провела в июне 1940 г. Автор указывает, что отправке за Урал подлежали не только дворяне, политики, офицеры, полицейские, пасторы, бизнесмены, но и старые русские эмигранты. К. Брюггеманн считает, что целью депортации было внушить страх всему обществу, то есть парализовать его волю к сопротивлению. 14 июня было депортировано 10 000 из Эстонии, 15 000 из Латвии и 18 000 из Литвы. Третью часть из жертв составляли дети. При этом семьи целенаправленно разрушались – мужчин и молодёжь отправляли в трудовые армии, а женщин, детей и стариков – в сибирские спецпоселения (с. 284).

Поэтому, продолжает автор, ничего удивительного, что с началом войны, но ещё до нацистской оккупации во всех трёх странах вспыхнули антисоветские восстания. А с началом оккупации развился коллаборационизм и взошла звезда не только таллинца Альфреда Розенберга, но и многих других остзейцев... (с. 285). К этому явлению примыкает и уча-

стие многих эстонцев, латышей и особенно литовцев в холокосте периода нацистской оккупации. Впрочем, не забывает упомянуть автор, около 3 000 литовцев участвовали в спасении евреев (с. 285-289).

Общее число коллаборационистов неизвестно. Но, во всяком случае, оно меньше, чем масса прибалтов, бежавших на запад с подходом Красной армии в 1944 г.: 140 000 латышей, 84 000 литовцев и 75 000 эстонцев. Такая масса пособников показалась бы излишней любому оккупационному режиму. Это же можно сказать о 7 000 эстонских шведов, отправившихся тогда же при содействии международного Красного креста на историческую родину, а те из них, которые остались, тут же попали под подозрение в шпионаже (с. 290-293). Число литовцев в этой справке довольно велико – но лишь в абсолютном значении. Учитывая же демографию огромной Литвы, то есть в относительном значении, оно удивительно мало. Поэтому нельзя не согласиться с очередным выводом К. Брюггеманна: если многие эстонцы и латыши отступили с немцами на запад, то литовцы, не дожидаясь конца оккупации, ушли в леса (с. 294).

Касаясь наступления большевиков на национальную культуру, автор упоминает о сотнях тысяч книг, изъятых из общественных и частных библиотек (с. 296), и более ни о чём, тогда как кампания раскультирования носила тотальный характер, не оставляя в целостности ни одну из областей духовной жизни местного населения. Исключение составляла разве что народная культура, её оставили в покое.

Что же касается второй депортации, то, как указывает автор, в отличие от первой, тотальной по составу, в 1949 г. она стала более целенаправленной: готовилась почва к кампании коллективизации. Поэтому на восток отправляли «кулаков», националистов, «бандитов» и их семьи. И если в 1941 г. объектом репрессий являлись, в основном, горожане, то теперь им стало исключительно сельское население. И снова больше всего жертв оказалось среди женщин и детей. И к концу коллективизации, в 1951 г., на народ обрушилась третья депортация – теперь уже чисто «кулацкая». Это была окончательная зачистка села от сопротивления коллективизации (с. 299).

В конце 1970-х гг. столь же радикально было решено покончить с культурной дезинтеграцией Прибалтики – и поднялась новая волна русификации на всех уровнях державной и общественной жизни – от школ и ВУЗов, переводившихся на русский язык преподавания до административных органов и очагов высокой культуры. В отличие от прошлых кампаний такого рода, эта выплеснулась далеко за пределы Прибалтики: её

история искажалась перед всей многомиллионной и многонациональной советской аудиторией. И такая пропаганда имела успех, как подмечает автор, и донныне значительная часть бывших граждан СССР и их потомков называет прибалтов не иначе, как «фашистами» (с. 307, 311).

В целом же вся послевоенная история региона отходит в книге от одного из основных предметов исследования – роли, которую играли в жизни трёх народов «чужие» элиты. Что и понятно – немцев и поляков сменили великорусские диаспоры. А в них не последнее место занимают отставные офицеры Советской армии и их потомки, критикующие местные порядки, но в Россию переезжать не собирающиеся.

В заключительной главе «Назад в Европу» ничего принципиально нового в исследовании не содержится, хотя заслуживают внимания некоторые выводы и напоминания. Например, такое «Прибалтика XXI в. – это «пазл, состоящий из региональных, этнических, культурных и исторических различий. И само собой напрашивается сравнение со странами Бенилюкса, которые также во многих смыслах гетерогенны» (с. 326). Каждая из бывших советских республик пошла своим путём. И уже в 1990-х г. термин «Прибалтика», возникший лишь в XX в. в результате превращения трёх стран в советские республики, утратил свою популярность – он в ходу лишь среди историков советского периода. К тому же Литва пытается позиционировать себя как центрально-европейская держава, а Эстония стремится к «нордическому» имиджу – обсуждался даже вопрос о замене традиционного триколора на скандинавский стяг с крестом.

И ещё одно замечание – оно относится к всё ещё резким различиям в трактовках истории Балтии и России/СССР. Доходило до дипломатических осложнений (2007) и проблема эта постоянно поддерживает внешнеполитическое напряжение. Автор называет и причину такому явлению, она – в отсутствии в России исторической самокритики, постоянные выступления против искателей исторической истины («фальсификаторов истории»), тогда как литовцы вполне официально расследовали своё участие в холокосте (с. 340). Имелись и имеются и другие причины взаимного непонимания двух миров. В исследовании названы лишь некоторые из них, вроде ещё незабытой «борьбы памятников» (советским освободителям в Таллине и ветеранам самообороны в Литве) или много-

летним попыткам стереть всякое напоминание об остзейцах в городских пейзажах прибалтийских столиц. Последнее, между прочим, отражено в творчестве рижского автора, хорошо знающего историю региона: «От тевтонского Средневековья Риге оставили ровно столько, чтобы хватило на съёмки фильма про Штирлица»¹³.

ЛИТЕРАТУРА

Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии. Таллинн: «Коолибри», 2000. – 263 с.

Балтийский регион в Новое и Новейшее время: история и региональная политика. Калининград: Изд-во Балтийский федеральный университет им. Канта, 2016. – 322 с.

Барышников В. Н. Игорь Павлович Шаскольский — основатель ленинградской школы историков-скандинавистов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 9. С. 136–148.

Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 172–190.

Возрин В. Е. Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи. СПб.: РХГА, 2015. – 416 с.

Воротин А. Принципы прибалтийской жизни. Ревель: [б.и.], 1891. – 140 с.

Генис А. А. Гость: Туда и обратно. М.: АСТ, 2018. – 280 с.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Том 3. М.: Наука, 1986. – 592 с.

Кахк Ю.Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX в. Таллин: Изд-во АН Эстонской ССР, 1962. – 476 с.

Хавен П. фон. Путешествие в Россию / пер. с датского и комментарий В.Е. Возрина. СПб.: Всемирное Слово, 2007. – 528 с.

Angermann N., Brüggemann K. Geschichte der baltischen Länder. Stuttgart: Reclam, 2018. – 360 s.

Carlgren W. Sverige och Baltikum från mellankrigstid till efterkrigsår. En översikt. Stockholm: Publica, 1993. – 133 p.

Hirschhausen U. von. Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860-1914. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2006. - 433 S.

¹³*Генис А. А.* Гость: Туда и обратно. М.: АСТ, 2018. С.285

Jensen N. For Dannebrog's Ære. Danske Frivillige i Estland og Letlands Frihedskamp 1919. Odense: Universitetsforlaget, 1998. – 190 s.

Teesalu S. Deporteret til Sibirien. Oversat af Peter Kyhn. København: Rosinante, 2014. – 180 s.

REFERENCES

Adamson A., Valdmaa S. *Istoriya Estonii [History of Estonia]*. Tallinn: Koolibri Publ., 2000. – 263 pp. (In Russian)

Angermann N., Brüggemann K. *Geschichte der baltischen Länder*. Stuttgart: Reclam Publ., 2018. – 360 pp. (In German)

Baltiiskij region v Novoe i Novejshee vremja: istorija i regional'naja politika [The Baltic region in modern times: history and regional policy]. Kaliningrad: Izdatel'stvo Baltijskij federal'nyj universitet im. Kanta, 2016. – 322 p. (In Russian)

Baryshnikov V. N. Igor' Pavlovich Shaskol'skij — osnovatel' leningradskoj shkoly istorikov-skandinavistov [Igor Pavlovich Shaskolsky — the founder of the Leningrad school of Scandinavian historians], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary history]*. 2012. № 9. P. 136–148. (In Russian)

Baryshnikov V. N., Daudov A. H. Izuchenie istorii stran Severnoj Evropy v Sankt-Peterburge (XVIII–XXI vv.) [Study of the history of the North-European countries in St. Petersburg (18th–21st centuries)], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary history]*. 2013. № 11. P. 172–190. (In Russian)

Carlgren W. *Sverige och Baltikum från mellankrigstid till efterkrigsår. En översikt*. Stockholm: Publica Publ., 1993. – 133 pp. (In Swedish)

Genis A. A. *Gost' Publ.: Tuda i obratno [There and Back]*. M.: AST, 2018. – 280 pp. (In Russian)

Haven P. fon. *Puteshestvie v Rossiju [Travels to Russia]*. Trans. from Danish and Comments by V.E. Vozgrin. SPb.: Vsemirnoe Slovo Publ., 2007. – 528 pp. (In Russian)

Hirschhausen U. von. *Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860-1914*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Publ., 2006. - 433 pp. (In German)

Istoriya krest'yanstva v Evrope. Epoha feodalizma. Tom 3 [The History of the Peasantry in Europe. The Era of Feudalism]. M.: Nauka Publ., 1986. – 592 pp. (In Russian)

Jensen N. *For Dannebrog's Ære. Danske Frivillige i Estland og Letlands Frihedskamp 1919*. Odense: Universitetsforlaget Publ., 1998. – 190 pp. (In Danish)

Kahk YU.YU. *Krest'yanskoe dvizhenie i krest'yanskij vopros v Estonii v konce XVIII i v pervoj chetverti XIX v.* [*The Peasant Movement and the Peasant Question in Estonia at the end of the 18th and in the First Quarter of the 20th Century*] Tallin: Izd-vo AN Estonskoj SSR Publ., 1962. – 476 pp. (In Russian)

Teesalu S. *Deporteret til Sibirien. Oversat af Peter Kyhn.* København: Rosinante Publ., 2014. – 180 pp. (In Russian)

Vorotin A. *Principy pribaltijskoj zhizni* [*Principles of Baltic Life*]. Revel': [s.e.], 1891. – 140 pp. (In Russian)

Vozgrin V. E. *Nemeckie kolonisty i korennoj narod Kryma v nacional'noj politike Rossijskoj imperii* [*German colonists and the Indigenous People of Crimea in the National Policy of the Russian Empire*]. SPb.: RHGA Publ., 2015. – 416 pp. (In Russian)